

наука. Но, вместе с тем, магия. «Учитель должен быть артистом», – утверждает известный музыковед Юрий Аравин, читавший нам когда-то в рамках республиканского конкурса лекцию на тему «Артистизм в работе педагога». И с этим тоже трудно не согласиться.

...Что ты способен дать своим ученикам? Останешься ли ты в их памяти или будешь постоянно «вытесняемым объектом», о котором хочется навсегда забыть? Чем ты озабочен прежде всего? Новизной методов и их эффективностью? Изобретением вечного «велосипеда»? Можно работать по ультрасовременным педагогическим технологиям, стараясь втиснуть свое педагогическое «я» в прокрустово ложе спускаемых сверху новомодных установок. А можно просто взять в руки... книгу. И попросить студентов почитать вслух. Удивительные вещи открываются при этом! Кто-то толком не умеет читать, кто-то не знает элементарных слов и понятий, и практически все путаются в известных исторических реалиях. И всё это «цветочки» бесконечно обновляемой системы образования.

...«Вот вам лично где пригодилась гармония? Вы её освоили, чтобы в колледже преподавать?» – периодически спрашивают наиболее дерзкие и заточенные на скепсис. Что тут можно ответить? Гармония – это больше, чем правила соединения аккордов. Это созвучие, согласие. Что ж, если она царит в душе учителя, значит, он на верном пути? Или «вечный бой, покой нам только снится»? Постоянный поиск, неудовлетворенность собой, неустанный сдвиг вверх личностной планки: лучше, сильнее, больше?

...Они уходят в свою взрослую жизнь. И далеко не все возвращаются, чтобы сказать спасибо. Но есть и такие. Приезжают после вузов, благодарят, говорят, что раньше недопонимали, недооценивали, были молоды-зелены. Но зато теперь... И то, что они, вот такие, всё-таки есть, убеждает тебя: ты не зря выбрала эту дорожку, проторенную для тебя сто лет назад твоими предками-педагогами. Ибо учительство – это не только «сладкая каторга». Учитель – это призвание.

Анастасия КИРИЕНКО

МЫ НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНЫ! (?)

Каждая эпоха, или, если скромнее, виток истории, который позже, потомками, обычно расценивается как «спорный», «переходный», а то и «смутный», устанавливает и провозглашает свои ценности, которые вроде как актуальны и необходимы сегодня. Если, допустим, в эпоху Ренессанса за основу мировоззрения был взят гуманизм и воспевание всего что ни есть прекрасного в человеке, то сегодня это то, что стремятся назвать «свободой». Но можно ли ставить знак равенства между свободой и вседозволенностью? Свобода – безгранична, не облагается налогом, допустима при любых обстоятельствах? Наиболее спорным в современном восприятии и дефиниции «свободы» видится то, что она вроде как снимает с себя все обязательства. Жонглирование понятиями «долг» и «свобода» стало нормой современного социума, но всё это крутится лишь до тех пор, пока абстрагировано от индивида, и заканчивается там, где посягает на личное.

Порой самые, казалось бы, простые и незамысловатые примеры, кусочки бытия подталкивают нас к размышлению над вещами значимыми и определяющими. Я была гостьей, пила зеленый чай у подруги, которая держала тату-са-

лон. То, что «тату», перекочевавшее сперва из трайбалистической (племенной), а позднее криминальной среды в широкие массы стало не то что нормой, а одним из вариантов украшения, модификации и показателем статуса, не стоит и говорить. Мое внимание привлекло другое. Я листала каталог выполненных подругой работ и интересовалась, какие эскизы сейчас наиболее востребованы. Среди зверей, рыб, космоса и флоры нашлась картинка, достаточно простенькая по дизайну и исполнению, но со слов подруги одна из наиболее востребованных. На эскизе было изображено следующее: держа связку разноцветных воздушных шаров в одной руке, ввысь улетает человечек, а другой, свободной рукой он показывает средний палец всем собравшимся. А собравшиеся, как я поняла из внешних признаков, атрибутов и пояснений подруги, это родители и старшие родственники, возлюбленная и босс конторы, в которой он трудился. То есть, по сути, на эскизе представлена форма бегства, эскапизма «на большом воздушном шаре...» – это, надо понимать, и есть проявление свободы? Исходя из логики субъекта, который выбирает в качестве объекта вечно нанесения на кожу данное клеймо, это выглядит примерно так:

– Я здесь накопировал, вляпался и устал, дальше без меня разбирайтесь!

Руководствуясь современной логикой вседозволенности, бесконечного выбора и постоянно обновляемого черновика жизни, которую можно хоть каждое утро обнулять и начинать с «чистого листа», в принципе – да, он волен и свободен поступать как ему вздумается. Плевать он хотел с недосыгаемой высоты, кто и что там думает, а тем более чего от него ожидает, он свободен и, главное, ни перед кем не имеет обязательств, хотя бы и моральных.

Хозяйка тату-салона не единственная моя подруга, и, кстати, придерживаясь довольно свободных, по общепринятым меркам, взглядов, до самого ухода стариков она жила с бабушкой и дедушкой, потому что понимала: её долг – заботиться о немощных. С другой же подругой, теперь уже из школьной поры, мы повстречались на курорте, в Юго-Восточной Азии. Вместе с мужем и двумя дочками они сперва каждый год смывались туда из заснеженного города на зимовки, а затем и вовсе решили осесть. Решение, конечно, спорное, но каждый стремится прожить свою жизнь без чьих-либо подсказок и тем более наставлений. Казалось бы, всё прекрасно. Тропики, за окном каждый день лето, в доступности и изобилии все омега и D3, фрукты. Гардероб составляют лишь пестрые сатиновые тряпки. Так да не так. В глазах подруги словно застыла перманентная тоска. Дочки росли и требовали, помимо внимания и ухода, образования и социализации. Ведь это тоже родительский долг – давать детям лучшее, на что ты способен. Со старшей дочкой с трудом удавалось вроде как что-то учить посредством дистанционного образования, но не имея практики школьного обучения и с отсутствием у мамы педагогического образования девочка воспринимала это как ненужную повинность. С младшей было сложнее. Садики на курорте катастрофически мало. Те, что есть, ориентированы на мини-группы детей эмигрантов с очень пухлым кошельком, которого у моих знакомых не было. Всё съедала аренда и еда. В итоге у родителей перед детьми начал накапливаться долг. Подруга вытянула меня с пляжа, и мы отправились вглубь острова уединиться и пообщаться в прибрежном кафе. Повспоминав былое, ей захотелось взгрустнуть. Она искренне сетовала, как переживает за маму, которая осталась в родном городе, по сути, одна доживать свою жизнь. Как ей не хватает мамы, внучкам – бабушки, и что они должны обязательно видаться, а она помогать, навещать. Но вот незадача – тропики и лучшая вроде как жизнь не предполагает долгов, которые надо покрывать. Дело здесь совсем не в осуждении и, конечно, не в зависти, что кто-то может безоглядно

распоряжаться своей жизнью, а иной взваливает на себя груз ответственности и тянет ярмо покуда силы есть. Время всё расставит на свои места.

Долг и свобода – извечная дилемма и константа. Вспоминая классику советского детского кинофильма, вижу, как наяву, таз с водой, из которого торчит костлявая рука Чуда-Юда, которое напоминает царю Еремею: дескать, за тобой-то «должок»! Еремей, естественно, озадачивается и восклицает: «Дождались...» Плохо ли это или хорошо, каждый волен решать сам, но чувство долга, ответственности и тот самый свиток «моральных задолженностей» наверняка хранится на периферии сознания и иногда напоминает о себе, отрезвляя и указывая, что помимо праздной и беззаботной жизни существуют те самые обязанности и повинности, о которых забывать не стоит. Сыновий долг и долг отеческий, долг перед родиной (как бы немодно это сейчас ни звучало), долг перед теми, кто когда-то протянул руку помощи, подставил плечо и направил. Человеку свойственно забывать хорошее и по прошествии времени воспринимать всё, что свершилось, как само собой разумеющееся. Открытые возможности – данность, доброта – слабость, милосердие, сострадание – так, пустячок. И, конечно же, любимая, звучащая рефреном у всех эгоистов фраза: «А я не просил вас для меня это делать, следовательно, вам я ничего не должен!» Такие речи, как снятие с себя обязательств, отказ делать что-либо из чувства долга, а точнее, полное игнорирование его – путь по кривой дорожке. Эта дорожка, шаткая, ветхая, разваливающаяся под ногами, наверное, тоже не содержалась в должном порядке. А зачем? Никто ведь не обязан её делать, чинить. Каждый, как известно и провозглашено, теперь может делать лишь то, что исключительно ему по душе. Вот родится на белый свет человек, влюблённый в дорожки и помешанный на реставрации, он пусть и делает, а я, дескать, здесь не для того, я пришел украсить этот мир собой и собрать все цветы удовольствия.

Чувство долга и ощущение свободы в дозволенных пределах – это якорь и крылья. И если крылья рвутся покинуть землю и витать в облаках, то якорь заземляет, напоминая о том, что всё имеет свой конец, свое начало. Птица, парящая в небе, стремится свить гнездо и найти пропитание для птенцов, это её инстинкт и обязанность. Человеку, принявшему, помимо прочего, дар быть творцом и самостоятельно выбирать стезю и предназначение, путь, не стоит упускать из вида и забывать, кто он и откуда. Те законы и уклад, перешедшие к нам от протонародов и общин, потому и дошли до нашей бытности, что складывались в процессе эволюции, которая справедливо отсекает всё излишнее, оставляя необходимое.

Долг красен не только платежом, как гласит народная мудрость, но и тем, что сохраняет в человеке желание не только брать, но и давать и отдавать. Долг не претит свободе, не ограничивает её, а лишь напоминает, что свобода возможна там и тогда, где четко и своевременно платят по счетам и исполняют долг.

Елена РАДОСНОВА

ПРО ПУГОВИЦЫ

Давным-давно кто-то придумал одну элементарную вещь – петелька и бляшка с дырками. Просто и гениально! Петля и пуговица. Гнездо и птица. Что-то очень мелкое, несущее в себе черты личности, своей или отраженной, неважно, она – мир.